

А. И. ШВЕЦ

**ДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ КАК МАРКЕРЫ
КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ****(на материале русских говоров Одесской области)**

В статье анализируется диалектная глагольная лексика, функционирующая в русских говорах Одесской области. Используется ареалогический принцип изучения говора с выделением противопоставленных и непротивопоставленных явлений. Основное внимание уделено диалектным различиям глагольной лексики, обусловленным внеязыковыми факторами.

Ключевые слова: переселенческие идиомы, диалектная глагольная лексика, ареальная оппозитивность, диалектные лексические различия, вербальное отражение культурных процессов.

В современной парадигме диалектологических исследований приоритетно системное изучение лексики как лингвистически и культурно информативного структурного уровня диалектного языка. Вопросы словарного состава говоров и сегментации лексической системы, способов и средств номинации, лексической семантики, уточнения её особенностей с учётом человеческого фактора в языке, пространственного размещения и ареальных изменений лексики относятся к кругу актуальных и требуют постоянного внимания. Об этом свидетельствуют исследования Н. И. Толстого, Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, В. Е. Гольдина, О. Г. Гецово́й, Г. П. Клепиково́й, О. Н. Мораховско́й, Е. А. Нефедовой, Г. А. Ракова, отечественных диалектологов П. Е. Гриценко, Ф. Д. Климчука, М. В. Никончука, В. Л. Конобродско́й, В. М. Бережняка, В. М. Куриленко, П. Ф. Романюка.

Наиболее значимо исследование взаимоотношений слова с соответствующими ему элементами лексики иных говоров как систем в составе всего языка, создающее широкий контекст для определения степени дифференциации говоров, для обнаружения корреляций между языком и отражаемым им реалемным планом.

Несмотря на многообразие научных трудов, на выработанный спектр методик анализа диалектного материала, степень разработанности разных классов лексической системы диалектов является неодинаковой: мало описанным остается глагольный ярус. Представляет лагуну эта область диалектной лексикологии и в изучении лексики русских говоров Одесщины.

Сказанным объясняется выбор предмета исследования — глагольной диалектной лексики, а именно: её структурной организации, семантики, пространственного поведения с учетом особенностей бытования в разных частных диалектных системах — в говорах, носители которых исповедуют каноническое православие, и в говорах, носителями которых являются староверы.

В качестве опорных были выбраны четыре частных диалектных системы (ЧДС) русских сёл Одесщины: Троицкого Беляевского района (центральная часть области); Вознесенки Арцизского района (южная часть); Большого Плоского Великомихайловского района (северная часть; в конце 18 ст. слобода Плоское появилась как первый населённый пункт старообрядцев в Приднестровье; из слободы со временем образовалось семь близлежащих выселок); Старой Некрасовки Измаильского района (зона наиболее раннего появления приверженцев „древлеправославия” в устье Дуная, с конца 17 ст.).

Цель настоящей статьи — выявить, чем обусловлены диалектные различия глагольной лексики исследуемых говоров, осложнённые внеязыковыми факторами.

Для упорядочения обширного лексического материала, принадлежащего четырем частным диалектным системам, мы обратились к апробированной тезаурусной методике представления данных от значения (понятия, реалии) к его языковой реализации в говорах, взяв за основу фрагмент синоптической схемы словаря Халлига — Вартбурга «Человек».

Идеографическая классификация диалектной глагольной лексики осуществлялась через выделение предконечных множеств частеречного древа — конструктивных, наименее абстрактных и культурно-информативных лексико-семантических объединений слов, репрезентирующих разнообразные «кусочки действительности» — «картинки жизни» [1: с. 391—396]. Предконечные множества, отражающие одну языковую «картинку жизни», но принадлежащие разным частным диалектным системам, раскрывают многообразный характер представлений в лексике того или иного отрезка смыслового континуума.

«Картинка жизни» может совпадать с традиционным понятием синонимического ряда на последней ступени разбиения, чаще же предконечные множества представляют собой неоднородные по своей организации лексико-семантические парадигмы: в центре языковой «картинки жизни» находится слово

с опорним, найбільше общим значенням, к нему по-разному обращены слова его ближайшего окружения. Сопоставлению и интерпретации подвергалась лексика, находящаяся в активном употреблении диалектоносителей, тесно связанная с бытом и культурой народа. Её репертуар, сгруппированный по челночному принципу, составил два идеографических подраздела «Человек как биологическое существо» и «Человек как социальное существо».

Классификационное поле составили 19 лексических множеств, дальнейший анализ которых осуществлялся с применением методики конфронтирования материала на единой основе. Такая форма семантического анализа позволила воспроизвести структурные и семантические особенности каждой номинативной единицы, её географию и послужила основой для построения структурно организованных сема-ономасиологических микросистем-моделей. Обращение к сема-ономасиологическим сеткам-моделям с дистрибуцией лексем показало, где наборы номинативных единиц не одинаковы и количественно, и формально, и противопоставлены элементами семантики. Реализаторами глагольной семантики выступили номинативные единицы разной структуры: универбы и их функциональные поликомпонентные альтернаты, которые были также введены в классификацию и подверглись интерпретации.

Среди диалектных глагольных соответствий, выделяющихся *тождеством семантики*, высокой частотностью определяются оппозиции, обусловленные лексическим варьированием (причем и внутрисистемно, и межсистемно). На сетках-моделях они выделяются как зоны особых лексических сгущений, которые обнаруживают центральные понятия в системе ценностей исследуемых этносоциумов. Таким противопоставленным поликомпонентным рядам свойственна яркая маркированность единиц, высокая коннотативность, частотность их употребления, полихрония, вскрываемая через спектр мотивологических признаков номинаций, структура различной сложности — от универбов до пропозитивных конструкций.

Так, в субсегменте глаголов биологического существования «Дать жизнь» наряду со стабильными элементами выделяются соотносительные номинации различной структуры и мотивации: *на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', пр'ив'ис'ит'и, абра'д'ицца, пры'ит'и пус'тој, с 'ола' пры'ис'ит'и, пат ск'ир'дој нај'т'и // на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', пр'ив'ис'ит'и, апрас'тацца, апрас'т'ицца, ула'в'ит', ула'в'ит' в 'оз'иры, ку'н'ит', быт' заказанным, ф ка'пус'т'и нај'т'и // на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', пр'ив'ис'ит'и, пр'ин'ис'ит'и, нај'т'и ф ка'пус'т'и // на'род'ит', нара'д'ит', пана'род'ит', панара'д'ит', пры'в'ис'ит'и, панада'ват', апус'т'ет', апараж'ицца, Бог дал (даст), нака'зат' св'ет, пус'т'ит' на св'ет, на 'в'ербач'к'и вз'ат', ф ка'пус'т'и вз'ат'.*

Противопоставленные элементы рядов — это индивидуальные в каждой ЧДС вторичные номены. Способы их образования — семантическая и аналитическая деривация с использованием общего мотивационного признака внешнего сходства либо архаического мотива «найденного ребёнка» (иногда с контаминацией мотива «ребёнок — дитя растений»).

Вторая словообразовательная модель оказалась более продуктивной в опорных говорах. Её производные дериваты дифференцируются как номинации, известные в говорах до переселения, и локальные инновации. Это знаки субститутивного характера. Появление первых обусловлено архаическим табуированием ситуации появления новой жизни. Однако со временем изменяется типичный контекст их использования: сохраняется звуковой комплекс, который еще ассоциируется с тем же рядом реалит, но без точного соотношения с конкретным денотатом (вне совершения магических, береговых акций). Номинации второго типа — результат деактуализации реального плана. Появление их больше мотивировано необходимостью этикета, нежели планом боязни, опасности: *Д'ит'ам н'и паложына 'была знат'. Д'ет'и ж дур'ныји 'ран'шы 'был'и. Скажыш рад'ила... А как рад'ила? А так... на 'в'ербач'к'и вз'ал'и. А патом — ф ка'пус'т'и. А мы дур'ныји нај'дем на 'в'ербач'ку... Шу'кајим... Н'ур'д'е н'и'ма. В'из'д'е заул'идајим. Н'ур'д'е н'и'ма.*

Зоны лексических сгущений выделяются и в номинативных звеньях комплементарного субкомплекса «Прекратить существование»: *па'ун'ит', пр'ис'тав'ицца, л'еч', нак'рыцца, Бог забрал, скан'ч'ацца // ку'бырк'ицца, 'кон'ч'ицца, л'еч', п'ир'и'к'и'нуцца, пат'и'нут' язык, см'ерт' пат'и'нула, у'ит'и на 'клад'биш'и'е // из'н'ич'итожыцца, паук'ла'дацца, ит'т'и туд'а, нак'рыцца // быт' там, 'кон'ч'ицца, л'еч', л'и'жат' спа'којным, на тот св'ет нај'т'и, п'ир'и'к'и'нуцца, пр'ис'тав'ицца, па'ун'ит', скан'ч'ацца, па'выт'инут' но'у'и.* Противопоставленные элементы рядов — также производные аналитической или семантической глагольной деривации (метафоризация или метонимия), осложненной аффиксацией, с использованием разноаспектных мотивационных признаков.

Среди индивидуальных обозначений этого участка действительности преобладают аналитические оппозиции, выраженные устойчивыми сочетаниями: *на тот св'ет атп'рав'ицца / пат'и'нут' язык, см'ерт' пат'и'нула, у'ит'и на 'клад'биш'и'е / ит'т'и туд'а / быт' там, л'и'жат' спа'којным, па'выт'инут' но'у'и, на тот св'ет нај'т'и.* В основе формирования этих лексически противопоставленных номенов лежат доминирующие мотивы «дороги», «перехода», «ухода» в мир иной, обусловленные архаическими представлениями о смерти как продолжении

жизни в потусторонньому пространстві. Активний мотив називання по зовнішньому подобию. Возможна і архаїчна персоніфікація суб'єкта дії — смерті, — включеної в структуру глаголів аналітичних / пропозитивних номінацій, що також обумовлено древніми представленнями.

Продуктивним для деривації глагольних одиниць цього ж понятійного пространства okazaвся архаїчний мотив «оборотництва» (по міфопоетическим представленням древніх славян інверсія верх і низа — круговий оборот через себе, кувырок — веде до нової форми буття (мотив, відражений в народних казках)). Він використовувався в семантизації номінов *кыркнуща, курбыкнуща, кубыркнуща, акапырд'ища* — вторичних производних від *кувыркаща* (з лексикалізацією фонетических процесів) і *п'ир'и'к'инуща, пайт'и в'в'ерх на'уам'и*. Соотносясь з одним реалемним планом, номінації мають різну дистрибуцію на сетках-моделях, відражаючи динаміку семантики.

Так, глагол *кубыркнуща* номінує родовий поняття 'умереть' в одній з ЧДС нестарообрядцев, а *кыркнуща, акапырд'ища // пайт'и в'в'ерх но'уами, курбыкнуща*, зафіксовані тільки в ЧДС старообрядцев, використовують для означення ситуації припинення існування, суб'єктом якої виступав похорий, грішний чоловік (переважно п'яниця). При цьому описальна стійка конструкція *пайт'и в'в'ерх но'уами* використовується в контексті ситуації прокляття: «Чтоб ты...». Восходить вона до архаїчного табу-імперативу, в семантиці якого було закладено не тільки табуоване указання на денотат, а і ідея відходу, прокляття, оберега від шкідливих сил. Однак з часом (після прийняття християнства) зміна типового контексту використання цього номіна — поза здійснення оберегових дій — привело до деактуалізації реалемного плану, а саме: до використання в ситуації, дійсним лицем якої є п'яний чоловік. В структурі інваріантної схеми ми відзначаємо індивідуальний номінативний звено, актуальний для діалектоносців-старообрядцев. Характерно і подальше розвиток в ЧДС старовірів протипоставлених означень для протилежної ситуації, де суб'єктом виступав добрий, безгрішний чоловік: *пашол на 'правду, пашол к 'Богу*. Наявність індивідуальних звеньїв в семантическій структурі мікрогруп — це результат вербального виділення ступеня важливості соціальної ситуації для діалектоносців, знак її ціннісної характеристики. Во багато це пояснюється більшою збереженістю конфесійної культури в силу її закритості, відстоюванням культурних бар'єрів.

Дистрибуція лексем на сетках-моделях показує, що в окремих випадках частотні соотносительні лексическі ряди дублетів розповсюджують локальні опозити, в основі деривації яких закладено стара модель, але спостерігається варіювання в поверхневій мотивації, визначаючій сферу отождествлення, служачої джерелом номінативного матеріала. Це можуть бути фразеологізми (в рідких випадках — цілісформлені лексеми), які містять символіку, розкриваючуся в обрядовій дії. Приклади подібних ситуацій відносять соотносительні ряди мікросегмента 'Здійснювати обряди до шлюбів': *дат' уарбуза, дат' ба'бышка* (спр. *ба'бышка* 'зелений хвіст від тикви'), *тара'куща пад'н'ис'т'и* (спр. *тара'кущ, тара'куща* 'невелика декоративна тиква') // *дат' каба'ка // дат' уарбуза // дат' каба'коф, да'р'ит' каба'ка* з загальним значенням 'відмовити при швагівстві, вручаючи тикву як образливий символ, підкреслюючий небажаність жениха'. З'явлення інновації *тара'куща пад'н'ис'т'и* мотивовано контактами російських переселенців з місцевим різномовним населенням, в розмовах якого запозичене румунське *тартакуца* 'невелика декоративна тиква' перетворюється в адаптований регіоналізм *тара'куща* або *тара'кущ*.

В інших випадках лексическі опозити — це стійкі комбінації або універби, в семантиці яких включені лексическі варіюючіся актант (орудийний або локуса). Лексическа варіативність частотних номінативних частин може ускладнюватися зображенням ситуації з точки зору пасивності/активності, що відбивається і на структурі номіна — це полікомпонентна конструкція, або універб. Таке протипоставлення спостерігається, наприклад, в мікрогрупі 'Візувати в зборі молодіж': *хад'ит' на фат'ерах (фат'еры 'домашні зустрічі молодіж')* // *б'ис'еду саб'и'рат', б'ис'еда уул'аит', б'ис'едават' (б'ис'еда 'вечірнє домашнє зборі молодіж'), в'иш'а'рушк'и справл'ат' // хад'ит' на пас'ид'ел'к'и, хад'ит' на 'дос'итк'и* з загальним значенням 'ходити на домашні зустрічі молодіж'; *ул'ица саб'и'раицца, ит'т'и на сала'н'ец, хад'ит' на сала'н'ец, сала'н'ецват' (сала'н'ец 'уличне зборі молодіж')*. Інформанти пояснили, що на *сала'н'цах* викопували в певних місцях ями, які використовували для сидіння (замість лавок) в них в час зустрічей // *'делат' ул'ицы, хад'ит' на ул'ицу // ул'ица саб'и'раицца // с'ест саб'и'рат', с'ест саб'ралс'а (с'ест 'уличне зборі молодіж')* з загальним значенням 'ходити на уличні зустрічі молодіж'.

Окремі звеня сеток-модельїв є вербальними свідцями згасання культурного процесу. При цьому в одній клітці може спостерігатися скоплення найменувань, а опозити в соотносительних клітках уже представлені лексическим нулем, то єшли з використання, забути. Так, аналіз лексико-семантическої групи глаголів пенія виявив в російській народ-

ной песенной культуре Одесщини существовавшю до переселения из метрополии дифференциацию песен по жанрам (песни, частушки, страдания) и по манере исполнения (громко, речитативом, высоким голосом). Опрос информантов показал, что в народном пении присутствовало и распределение голосов. Наши материалы по глагольной лексике отразили это уже фрагментарно в отдельных ЧДС (лексические материалы были собраны преимущественно у информантов пожилого возраста.). Сема 'громко (петь)' актуализирована во всех ЧДС общим номеном *кр'и'чат'*. В ЧДС с. Вознесенка её репертуар расширен: *г'аркнут'*, *д'ирба'нут'*, *выг'алашиват'*. Сема 'высоко' реализована в ЧДС с. Вознесенка номеном *в г'ору кр'и'чат'* 'петь громко высоким голосом' (*Ja л'уч'и'е фсех в г'ору кр'и'чат', н'ес'ил'н'ица была.*). Сема 'протяжно' актуализирована глаголом *зат'и'р'нут'* (*Ана уз'думала с'тару'ю н'ес'н'у зат'и'р'нут'*) в ЧДС с. Старая Некрасовка. В такой манере исполнялись народные песни-страдания. Сема 'речитативом' выделяется в семантической структуре глагола *пр'и'г'авар'иват'* — 'исполнять нараспев, приговаривая, частушки', где объектный актант 'частушки' является включённым.

Диалектные глагольные соответствия, основанные на тождестве материального облика, обнаруживают закономерности пространственного варьирования семантики в исследуемых ЧДС. Так, отличия в реалемном плане, связанные с обрядовой спецификой, а также с сохранением конфессиональных особенностей в совершении бытовых процессов, могут являться основанием семантического варьирования в пространстве, обуславливая формирование индивидуальных структурных звеньев. Например, номен *св'иват'* *мла'д'енца* в ЧДС нестарообрядцев используется с семантикой 'заворачивать новорожденного в пеленки (в свивальник)', а у староверов — 'свивать новорожденного свивальником вокруг по пеленкам крестообразно трижды'. Характерно противопоставлены по дифференциальному признаку орудийности (и частично формально) соотносительные выражения: *а'д'ет'* *на тот св'ет, абр'а'дит'* (*па'којнава*) 'одеть покойного в подготовленную на смерть одежду (преимущественно новую)' (в ЧДС с. Троицкое) и *а'д'ет'* *на тот св'ет, саб'рат'* *на тот св'ет, саб'рат'* *па'којн'ицу* (*па'којн'ица*) 'одеть умершего в специально подготовленную для него по старообрядческому чину одежду' (в старообрядческих селах). Признак 'конфессиональности' усложняет структуру субсегмента «Покрыть кого-(что-) либо одеждой» в звене 'покрыть головным убором'. У староверов Большого Плоского лексема *пак'рыт'* 'надеть платок для посещения богослужения, закрепив два его конца высоко на груди булавкой', внутрисистемно и межсистемно противопоставлена глаголам *пав'азыва'ица, пав'и'за'ица, пак'ры'ица, пак'рыт'*, *пак'рыт'*, *пак'ры'ица, запака'ва'ица/вы'в'азыва'ица/зав'и'на'ица* с семантикой 'надевать (надеть) платок, обвязав его концы вокруг шеи'. Информантки объясняли, что *пав'азыва'ица* женщины для работы в доме или на огороде, а если идут в церковь, то *пак'рыва'ют'* *платок*. Особенности локального глагольного означивания эксплицирует семантика универбов *м'и'ша'ица* и *пав'и'ша'ица*, расширяя структуру инвариантной модели субсегмента «Вступать в брак»: для диалектоносителей с. Вознесенка актуальной оказывается семема 'вступать / вступить в брак с представителем другой национальности', а для диалектоносителей Старой Некрасовки — семема 'вступать в брак с иноверцем'.

Причиной формирования индивидуальных структурных звеньев может служить *варьирование элементов обозначаемой ситуации*. Так, в исследуемых сёлах фиксируется такой структурный фрагмент свадебного обряда как сбор обещанных подарков. Локально он осуществляется в разные дни после свадьбы: в Вознесенке сразу после свадьбы идут *стар'и'ват'*. Нетрудно заметить явные следы влияния украинских говоров в формировании метафоры *стар'и'ват'* (ср. с укр. *стар'и'вати* 'побираться, нищенствовать, ходить по миру'). В Старой Некрасовке и Троицком на третий день свадьбы *ведут'* *за да'рам'и* или *кур'е'ј нос'ат'*. Перед нами глагольные номинативные средства, репрезентирующие причины непротивопоставленности диалектных различий.

Наблюдение над случаями лексического и семантического варьирования в пространстве глагольной лексики и её функциональных альтернатив, функционирующих в русских говорах Одесщины, позволило обнаружить определённые закономерности в сегментации глагольной лексической системы и дало возможность утверждать, что «культурные» дифференциальные признаки 'конфессиональная принадлежность', 'обрядовая специфика', 'ценностная характеристика социальной ситуации' выступают важными конструктивными элементами глагольной семантики, транслирующими культурную информацию и влияющими на формирование конфигурации структуры микросистем диалектной глагольной лексики. Анализ диалектных различий на уровне глагольных номинаций, осложнённых внеязыковым планом, позволил говорить о таком процессе как культурная полихрония, вербально репрезентированная в говорах. Она связывается с изменением культурного контекста использования вербального знака, с деактуализацией реалемного плана. Подобные процессы обнаруживают, как в процессе деривации могут заполняться существующие ментальные ячейки матрицы уместными семантическими элементами, предоставляемыми данной культурной традицией. Важной причиной диалектных различий на уровне глагольных номинаций явились заимствования в русских говорах, обусловленные культурными контактами переселенцев с представителями соседних народов.

1. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Н. Ю. Шведова / Русский язык: Избранные работы. — М., 2005. — С. 391—396.

А. І. Швець

ДІАЛЕКТНІ ЛЕКСИЧНІ ВІДМІННОСТІ ЯК МАРКЕРИ КУЛЬТУРНИХ ПРОЦЕСІВ (на матеріалі російських говірок Одеської області)

У статті аналізується діалектна дієслівна лексика, що належить російським переселенським говіркам Одеської області. Проводиться ареалогічний принцип вивчення говірок із виділенням протиставних і непротиставних явищ, що дає змогу описати характер відмінностей між діалектними системами на лексичному рівні. Увага зосереджена на діалектних відмінностях дієслівної лексики, що зумовлені позамовними факторами.

Ключові слова: переселенські ідіоми, діалектна дієслівна лексика, ареальна опозитивність, діалектні лексичні відмінності, вербалізація культурних процесів.

A. I. Shvets

DIALECTAL LEXICAL DIFFERENCES AS MARKERS OF CULTURAL PROCESSES (on material of russian dialects of the Odessa region)

The article deals with the verbal basic vocabulary in the Russian migrant dialects of Odessa region. The author uses the principle of areal study of the dialects with the emphasizing of linguistic phenomena opposition. The attention is focused on dialect differences of verbs caused by extralinguistic factors.

Key words: migrant idioms, dialectal verbal lexicon, dialectal opposition, dialectal lexical differences, verbal reflection of cultural processes.

УДК 811.161.1'282(477.74)

Л. Ф. БАРАННИК

ТРАДИЦИОННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА ПРИДУНАЙСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируется традиционная южнорусская лексика старообрядческих говоров Придунавья, определяется её семантика, этимология, «материнская» территориальная принадлежность.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, островные старообрядческие говоры, диалектные лексические архаизмы.

Одесская область, как и вся южная Украина, — пёстрая в этническом отношении территория, что объясняется особенностями заселения этого края. В настоящее время при явном преобладании украинцев здесь живут русские, болгары, молдаване, гагаузы и представители других народов, основные этнические массивы которых находятся за пределами Украины. Русские проживают на территории Одесской области компактно, составляя отдельные селения или группу селений, сходных по своим диалектным чертам. Основная (традиционная) диалектная лексика русских переселенческих говоров Одесской области относится к типично южнорусской и наиболее близка к лексике курско-орловской и донской. Русская национально-культурная специфика сохранилась в различных тематических и лексико-семантических группах словарного состава русских островных говоров, несмотря на почти 200-летнее существование в отрыве от основного языкового и материнского диалектного массива в полиязычном окружении.

Несомненно, исследование языка, материальной и духовной культуры сельских жителей, носителей русских говоров, в наши дни особенно актуально, так как в условиях урбанизации, промышленного развития и экономического кризиса ошутима острая необходимость и потребность в сохранении, изучении и переосмыслении богатого наследия традиционной народной культуры, базовой основы всякого национального возрождения. Язык и культура, язык и дух народа, язык и история неотделимы друг от друга. Жизнь каждого общества, каждого народа отражается в его языке. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своём», — подчёркивал И. И. Срезневский ещё в 1848 году [20: 17]. Этнические, социальные, культурные, исторические, национальные особенности передаются непосредственно, чётко, ярко и объёмно прежде всего в лексике, ибо лексика — система открытая, подвижная, отражающая жизнь её носителей, раскрывающая взаимообусловленность языка и культуры народа, запечатленную в